

А
А. И. Богданович

Критические заметки

Избранные страницы русской журналистики начала XX века.

М., "ЧеРо", 2001

[OCR Бычков М. Н.](#)

Ангел Иванович БОГДАНОВИЧ

(1860--1907)

А. И. Богданович, литературный критик, публицист, неофициальный редактор одного из самых популярных в XX веке "толстых" журналов -- "Мира божьего". Еще студентом был сослан, хотя и оправдан по суду, за участие в народническом кружке. По этой причине не только не мог стать официальным редактором журнала, но и выступления свои должен был подписывать инициалами А. Б. Только после Манифеста 17 октября 1905 года четыре последних перед закрытием "Мира божьего" летом 1906-го выступления подписал полным именем. Вел постоянный отдел "Критические заметки". Близко знавшие Богдановича современники называли его Добролюбовым XX века. Ниже приведены выдержки из его подписанных полным именем общественно-политических, а не литературных обзоров.

Я пишу без цензуры. Облик цензора не витает предо мною в эту минуту. А между тем, между тем... я не испытываю ни малейшего радостного чувства. В первую минуту я хотел было воспеть радость освобожденного раба. Но это был только минутный порыв. Он быстро прошел, и его сменило смешанное чувство -- тревоги, недоверия и гнева.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце светило так ярко, все ликовало и пело, красные флаги, как цветы, венчали радостно и торжественно настроенную многотысячную толпу. Кого-кого тут только не было! Были юноши, старцы и дети, женщины, рабочие, студенты, военные, чиновники, солдаты -- словом, всё живое высыпало на улицу, а кто не мог -- из окон приветствовали шествие, первый праздник свободы на улицах Петербурга.

И вдруг... Как гром с ясного неба, без сигнала, без предупреждения, без промежутка -- три залпа со стороны казарм Семеновского полка... Я был там, вместе с толпой окаменев на месте, видел паническое бегство, видел конную гвардию, ринувшуюся неизвестно откуда на бежавших людей... А в редакции, куда я пришел потрясенный совершившимся преступлением -- расстрелом людей, повинных только в доверчивости, -- я узнал, что товарищ наш по долголетней совместной работе в журнале -- Ев. Вик. Тарле -- лежит в ближайшей лечебнице при смерти, с разрубленной головой...

Так было в первый день русской "свободы". А потом -- этот сплошной поток крови, в течение недели заливавшей улицы всех городов России, известия о смерти Гольдштейна, тоже старого товарища по журналу, и других товарищей по тюрьме и ссылке, арест товарища-сотрудника Сорошевского, черносотенно-казацкие погромы евреев, интеллигенции, учащихся, учеников-подростков, -- наконец объявление всего царства Польского на военном положении, -- всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обман или дикое недоразумение?

Надо разобраться, вдуматься в этот кошмар "безумия и ужаса", найти руководящую нить. Иначе отвращение к жизни овладевает умом и чувствами.

До 17 октября все было ясно. Народ и власть стояли друг против друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть без нравственного авторитета, без доверия, без веры в ее силу, олицетворенную исключительно в штыке и нагайке. Народ -- сознательно противопоставивший лесу штыков отказ от всякой работы, сознательно прекративший всякую связь с властью, создавший вокруг нее пустоту,